

Круг ее научных интересов был достаточно широк: проблемы дидактики начального профессионального, технического образования, проблемы урока, межличностных связей и т. д.

Р. Г. Лемберг внесла весомый вклад в развитие педагогической науки. Это и анализ психологических аспектов учебного процесса, поиск путей и средств его активизации, и применение творческих методов обучения, и постановка вопроса о необходимости срочного преодоления психолого-педагогического и методического застоя, поиск новых эффективных технологий обучения, и многое другое.

Книга необычна по структуре и содержанию. Авторские очерки чередуются в ней с

документами и воспоминаниями, а также с произведениями Р. Г. Лемберг, многие из которых являются библиографической редкостью.

Книга адресована педагогам-ученым, учителям школ и средних учебных заведений, магистрантам, аспирантам, студентам.

Надеемся, что в будущем еще немало славных имен будет представлено на страницах новых книг из серии «Герценовский университет. Золотые имена», ведь главное достояние, поистине «золотой фонд» нашего университета — это замечательные люди, отдающие свои силы, знания, опыт на благо развития отечественной науки и образования.

*Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории*

ЗНАМЕНИТЫЙ ВЫПУСКНИК ГЕРЦЕНОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Фруменкова Т. Г., Коваль С. А. Георгий Георгиевич Фруменков: историк, ректор, гражданин: Монография. — Архангельск: Поморский университет, 2010. — 631 с. : ил.

После смерти в 1989 г. моего отца Г. Г. Фруменкова его друг, знаменитый московский историк академик С. О. Шмидт, в то время главный редактор «Археографического ежегодника», предложил мне написать статью, посвященную обзору его архивного наследия. Подготовка статьи позволила мне осознать ценность материалов семейного архива и стала толчком для появления этой книги.

Известив родных и близких отца о его кончине, я попросила их поделиться своими воспоминаниями о нем. Многие из них откликнулись на мою просьбу. Так начал складываться комплекс воспоминаний о Г. Г. Фруменкове. Его формирование продолжалось много лет. Своими воспоминаниями поделились друзья, коллеги и ученики. Работа основана также на документах архивов РГПУ им. А. И. Герцена, Поморского государственного университета и Го-

сударственного архива Архангельской области, собранных мною и моим соавтором кандидатом педагогических наук, доцентом Поморского университета С. А. Коваль. Книга включает в себя и историографический очерк, так что важным ее источником являются сочинения Г. Г. Фруменкова. Изучены и проанализированы посвященные ему журнальные и газетные публикации. Таким образом, представленную работу, думается, можно назвать монографией.

При этом книга имеет сложный состав, потому что нам показалось важным опубликовать ряд уникальных документов из семейного архива и воспоминаний, освещающих, в том числе, историю Герценовского института в 1930—1950-е гг., некоторые малоизвестные сочинения Г. Г. Фруменкова, а также справочные материалы.

Итак, наша книга рассказывает о Георгии Георгиевиче Фруменкове (1919—1989) —

выпускнике исторического факультета Герценовского института (1941), участнике Великой Отечественной войны, профессоре, докторе исторических наук, заслуженном деятеле науки РСФСР, почетном гражданине г. Архангельска, ректоре Архангельского государственного педагогического института им. М. В. Ломоносова (1962—1980).

Г. Г. Фруменков прежде всего был привлекательным мужчиной, — со скульптурной лепкой лица, ослепительно синими глазами, с улыбкой, способной очаровать любого. Он был человеком с острым умом и обладал редким чувством юмора. Герой нашей книги был человеком порядочным, хотя административные обязанности подвергали его порядочность жестким испытаниям. Он был необычайно трудолюбив, работоспособен и умел излагать свои мысли — устно и письменно — на замечательном русском языке.

Как и всякий человек, Г. Г. Фруменков был неповторим и уникален. С другой стороны, он был одним из тысяч и миллионов — представителем военного поколения. Военные поколения — поколения-участники всемирно исторических событий — во все времена были особенными.

В связи с этим представляются интересными рассуждения историка декабристского движения О. И. Киянской, ученицы Ю. М. Лотмана. Анализируя причины создания тайных декабристских организаций, она утверждает, что после того, как в Европе воцарился мир, в среде офицеров-фронтовиков начался тяжелый кризис не востребованости. Ю. М. Лотман утверждал: войны приучили русских дворян «смотреть на себя как на действующих лиц истории». Юные ветераны, не знавшие взрослой довоенной жизни, в военные годы свыклись с мыслью, что от их личной воли, старания, мужества зависит в итоге судьба Отечества¹. Это в полной мере относится и к представителям военного поколения 1940-х гг., к людям мыслящим и образованным.

Молодые офицеры 1812 г. оказались неприспособленными к мирной жизни в сословном обществе, в котором каждый четко знает свой потолок. Юным героям 1812 г. приходилось выбирать: смириться с положением винтика, терпеливо выслуживать чины, или же, не смиряясь со своей судьбой, попытаться сломать сословный строй в России. Большинство выбрало первое, меньшинство, декабристы, второе.

Сравнение ситуации 1940-х гг. с 1810-ми, конечно, в значительной степени условно. В послевоенном советском бессословном обществе молодые люди, выходцы из низов, обладавшие способностями, амбициями, трудолюбием могли рассчитывать на серьезный рывок вверх. Думается, что именно они — деятели послевоенного периода, люди, плоть от плоти нового строя, — двигали свою страну вперед. Г. Г. Фруменкову не помешало даже клеймо «сына врага народа». Помогло, скорее всего, то печальное обстоятельство, что о смерти своего отца в лагере Г. Г. Фруменков, если верить сообщению его двоюродной сестры, узнал еще до войны, и в военных и послевоенных анкетах мог, не кривя душой, сообщать, что его отец умер.

Различным было и восприятие войны. Оно у поколения 1940-х гг. резко отличалось от поколения Д. В. Давыдова («Я люблю кровавый бой...»). На фронт Г. Г. Фруменков и многие его соученики пошли по убеждению, добровольцами, но войну не романтизировали. Г. Г. Фруменков никогда не считал ее главным, центральным событием своей жизни, более того, был потрясен тем, как он и его фронтовые товарищи отстали от тех своих коллег, которым удалось и в военные годы грызть гранит науки. Это спасло их от «заикливания» на впечатлениях войны и в мирные годы. Думается, что в СССР кризис не востребованости коснулся в первую очередь тех молодых людей, для которых война осталась пиком жизни.

А такие, как Г. Г. Фруменков, рвались действовать. Демобилизовавшись в Риге,

он уже на следующий день был в Ленинграде, в родном Герценовском институте, хотел учиться, заниматься наукой. Опоздал к приему в аспирантуру — поступил в годичную ассистентуру (для учительских институтов). Хотел перевестись в аспирантуру — не получилось, отправился в Архангельск. По распределению, но не случайно: еще в армии ему предлагали остаться в Риге, в жизни более сытой, но чужой, недружелюбной, не захотел поехать на Северный Кавказ — в места теплые, но с иной культурой. Повод для отказа оказался подходящим — в столице одной из кавказских республик не было квартиры. К этому времени молодому преподавателю требовалось уже два места, потому что за время учебы он познакомился с моей будущей матерью, также аспиранткой. Сегодня потрясает, насколько этим послевоенным аспиранткам повезло, — в стране нехватка женихов, а рядом с ними оказались взрослые, умные, все пережившие и уставшие считать потери парни. Им так нужны были серьезные отношения, дом, семья, тепло. Они нашли друг друга, и Г. Г. Фруменков женился во второй раз — во время блокады погибла от голода первая его юная жена, студентка Герценовского института Варвара Александровна Щепотьева.

Началась работа, и работа была главным содержанием жизни Г. Г. Фруменкова. Это вовсе не обедняло жизнь, потому что работа, но особенно преподавательская и научная, была любимой, она доставляла и радость, и ни с чем несравнимое наслаждение. Нам, авторам книги, представляется, что деятельность, созидание — главная черта людей военного поколения. В юности им довелось разрушать, потому что война — всегда разрушение, и в мирной жизни они сознательно, с надеждой были нацелены на созидание. Еще одно свойство представителей военного поколения — все, что они делали, делалось серьезно и качественно. Так, Г. Г. Фруменков и преподавал, много и серьезно готовился к за-

нятиям до последних дней. Его тетрадки с конспектами, подготовленными в первые годы работы, истрепаны до дыр, переполнены уточнениями, дополнениями, вставками, вложенными листками. Так, со всей серьезностью и дотошностью, занимался он и научной работой. Сохранились стопки тетрадей с архивными выписками — из хранилищ Москвы, Ленинграда и Архангельска. Как ученый-историк, каждый заявленный исторический факт он подтверждал ссылкой на источник. Сегодня, когда господствует иная концепция истории церквей и монастырей (а история Соловецкого монастыря как пограничной крепости и политической тюрьмы Русского государства в XVI—XIX вв. была одной из центральных тем его научного творчества), думается, нужно не отмахиваться от его трудов, а искать, если уж так хочется, контраргументы против обнаруженных им фактов.

Г. Г. Фруменков, как ученый, тщательно работал над содержанием и стилем своих работ. Тексты монографий, статей, учебного пособия «Наш край» испещрены карандашными стилистическими пометками, в них вложены листки бумаги с дополнениями. Он любил словарь В. И. Даля, собранные им пословицы и поговорки, подбирал к каждой статье образные выражения. Представляется, что это личная особенность Г. Г. Фруменкова. Как правило, после выхода в свет произведение как бы отделяется от автора, живет своей жизнью, и многие о своих трудах просто забывают.

Г. Г. Фруменков не любил работать в стол, а публиковаться в то время, особенно в 1970—1980-е гг., было очень непросто. Со второй половины 1970-х даже институтские сборники печатались в Вологде, и быстро выпустить что-то новое в научном издании не представлялось возможным. В этих особенных условиях он тряхнул журналистским прошлым и стал особенно активно сотрудничать с газетами. Он следовал завету своего учителя С. Б. Окуня, профессора Ленинградского университета и

Герценовского института, — опубликовать, застолбить — и одновременно поделиться с читателями. Многие его газетные статьи были основаны на архивных документах, впервые вводимых в научный оборот, и не стоит сегодня, в другой системе координат, исключать его газетные публикации из списка научных трудов.

Г. Г. Фруменков был человеком честолюбивым, но честолюбие его относилось в первую очередь к научной карьере, и быть ректором он вовсе не рвался. Более того, сохранилась семейная легенда, как, вызванный в министерство в качестве рекомендованного кандидата, он мастерски изобразил там такого дурачка, что местные партийные деятели имели неприятный разговор с центром (озорство и авантюризм — это также личные черты нашего героя). Тогда Архангельск рекомендовал его снова и предупредил московских чиновников: кого бы Фруменков ни изображал из себя, не слушайте и не верьте, утверждайте. Отвертеться не удалось. Важно подчеркнуть, что на качестве работы ректора эта история вовсе не отразилась. И это еще одна черта Г. Г. Фруменкова как представителя военного поколения. Слово «надо» всем им было хорошо известно, и работать плохо, повторяем, они просто не умели.

В должности ректора Г. Г. Фруменков много сделал для института — укрепления его материальной базы, улучшения жизни студентов, для укрепления и развития состава преподавателей, развития научной работы. Сегодня, может быть, самой важной кажется его забота (в рамках государственной политики) об обеспечении Северного края подготовленными, профессиональными учителями. Сейчас власти недооценивают роль учителя-профессионала и специального педагогического образования. Тем более важно помнить и учитывать исторический опыт наших отцов, пытавшихся решить проблему учительских кадров на местах и непопулярной системой распределения, а когда

оказалось, что она работает не слишком успешно, целевыми внеконкурсными наборами сельской молодежи.

Не стоит забывать и того, что Г. Г. Фруменков сделал для Архангельска, города, ставшего ему родным, — он высказал идею празднования Дня города и предложил ее практическую реализацию, принял активное участие в праздновании 400-летия города в 1984 г., сыграл большую роль в возрождении исторического герба Архангельска и предложил воссоздать историческое общество, во второй половине XVIII в. впервые в России созданное историком В. В. Крестининым. Велика роль была Г. Г. Фруменкова в сохранении ряда памятников истории и культуры, в первую очередь, памятников Соловецкого монастыря.

Люди его поколения, достигшие степеней известных, имели и еще одну общую черту — их отличал особый, естественный демократизм. Казалось бы, чего проще, — сами вышли из низов и остались, так сказать, близки к народу, к тем, кто не снискал высоких чинов и почестей. На самом деле, ситуация не так однозначна. Известно, к примеру, что «птенцы гнезда Петрова» из низших сословий быстро становились такими же или даже более чванливыми и спесивыми, чем были наследственные князья Рюриковичи или Гедиминовичи.

Может быть, также повлияла война — они были вместе с солдатами или даже сами были солдатами, сохранили близость с родителями и родственниками, теми, кого было принято называть «простыми людьми». Все, кто знал Г. Г. Фруменкова, вспоминают, с каким удовольствием и интересом он общался с гардеробщицами и уборщицами, как хорошо помнил девичьи фамилии сотрудниц, дни рождения преподавателей и служащих, имена и проблемы их детей и родственников, с какой симпатией относились к нему почти все в институте, особенно женщины. Мы, авторы книги, помним, что с ним вдвоем почти невозможно было пройти по улице города, — почти ежеминутно приходилось

останавливаться, потому что с Г. Г. Фруменковым многие здоровались и хотели поговорить. Теми же чертами обладали многие его друзья, в частности Ю. В. Кожухов — историк, профессор и проректор Герценовского института.

Демократизм Г. Г. Фруменкова-ректора был тесно связан со свойственной советскому периоду патерналистской системой управления. Г. Г. Фруменков всегда лично руководил приемом и зачислением абитуриентов и мог позволить себе разыграть кого-либо из них. Во время презентации нашей книги в Архангельске в феврале 2011 г. мы услышали рассказ о том, как одного из молодых людей накануне зачисления ректор предупредил, что усатых в институт не принимают. Юноша, и без того после сдачи

экзаменов пребывавший в состоянии нервного напряжения, не спал ночь, утром в первую очередь сбрил усы и с трепетом явился в приемную. Тут из кабинета ректора вышел длинноволосый, усатый и бородатый молодой человек. «— Не зачислили?» — с ужасом спросил наш герой. «— Почему же? Приняли!» — с гордостью ответил «хиппи». «И я понял, что меня надули», — заключил ученик Г. Г. Фруменкова...

Сегодня очень многое изменилось, но без созидания, без уважения к учителю, без любви и уважения ко всем, кто трудится, свойственных представителям военного поколения, невозможно движение вперед. Хотелось бы, чтобы об этом не забывали люди разных поколений. Сохранению этой памяти и посвящена наша книга.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Киянская О. И.* Пестель. М., 2005. С. 60.